
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902/904

КУЛЬТУРА СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ КАТАКОМБНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ II–V ВЕКОВ: ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ¹

И. Г. Семенов

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

По мнению автора, позднесарматская культура может быть связана только с аланами. Культуру северокавказских катакомбных погребений II–V вв. следует идентифицировать с кавказскими гуннами. Часть из них в III в. мигрировала в Европу, где на рубеже IV–V веков создали сильное государство.

According to the author, the late Sarmatian culture can only be associated with the Alans. The North Caucasian Culture of the catacomb burials of the II–V centuries AD should be identified with the Caucasian Huns. Some of them in the III century migrated to Europe where they created a strong state on the turn of the IV–V centuries.

Ключевые слова: гунны, аланы, Северный Кавказ, катакомбные погребения, позднесарматская культура.

Keywords: the Huns; the Alans; the North Caucasus; catacomb burials; the Late Sarmatian Culture.

Предложенная в XVIII в. Ж. Дегинем гипотеза о центральноазиатском происхождении европейских гуннов [1] была позднее поддержана К. Иностранцевым [2]. На ней, в частности, основывается современное академическое представление о *Великом переселении народов*, начало которого связывается как раз с миграцией гуннов из Центральной Азии в Европу во второй половине IV в. Эта гипотеза сыграла важную роль в развитии современной исторической науки, так как позволила детально проработать одну из возможных версий этнических корней европейских гуннов.

В наиболее полном виде реконструкции, основанные на данной гипотезе, представлены в обобщающей статье одного из наиболее видных ее сторонников – Д.Б. Шелова [3]. В этой работе дан достаточно полный обзор различных групп археологических памятников, связывавшихся теми или иными исследователями с гуннами. Д.Б. Шеловым был высказан также ряд новых предложений по данной теме. Нельзя, однако, не заметить, что большинство указанных памятников являются позднесарматскими, то есть аланскими (см. ниже).

По заключению С.С. Миняева, археологические материалы, связанные с сюнну (хунну), исключают возможность генетических связей европейских гуннов с центральноазиатскими сюнну [4]. Кроме того, как обращает внимание С.С. Миняев, в китайских письменных источниках отсутствуют указания на миграции центральноазиатских гуннов в Европу [4]. «Историческая судьба сюнну, – пишет он, – связана в раннем средневековье с Центральной Азией...» [4].

Данная проблема затрагивается также И.Л. Кызласовым. Им подтверждены оба изложенных выше аргумента С.С. Миняева: во-первых, мнение о центральноазиатском происхождении европейских гуннов находится в противоречии с археологическими материалами [5, с. 18, прим. 27; с. 146]; во-вторых, памятники китайской историографии не

¹ Редколлегия журнала, публикуя статью д.и.н. И.Г. Семенова и принимая во внимание спорность предлагаемой версии этнической идентификации катакомбных погребений Северного Кавказа II–V вв. и ряда положений, выдвинутых автором, приглашает специалистов высказаться по поднятым в статье актуальным вопросам. – *Редколлегия журнала.*

содержат упоминаний о миграциях центральноазиатских гуннов в Европу – даже напротив, они создают впечатление, что хунну в первых веках н.э. продолжали обитать в том же регионе, что и раньше [5, с. 18, прим. 27]. Кроме того, как указывает И.Л. Кызласов, в плане политической культуры и общественного строя центральноазиатские гунны и европейские гунны существенно отличались друг от друга [5, с. 146].

В поддержку этой точки зрения можно привести следующий пример принципиальных различий в их культуре: у шаньюя центральноазиатских гуннов главной стороной являлась левая [6, 7], тогда как у Аттилы, как свидетельствует Приск Панийский (V в.), почетной была правая сторона [8]. Необходимо также принять во внимание, что проведенный Г. Дёрфером анализ сохранившихся материалов языка европейских гуннов и языка центральноазиатских хунну показал, что они не идентичны друг другу [9]. Нельзя также не отметить, что число памятников, ранее предположительно идентифицировавшихся с гуннами, очень невелико – настолько невелико, что говорить о возможности маркировки ими продвижения более или менее крупных групп хунну в Европу никак нельзя.

Таким образом, возможность этногенетических связей европейских гуннов с центральноазиатскими хунну противоречит как лингвистическим, так и археологическим материалам. Данная гипотеза базировалась прежде всего на созвучии названий европейских гуннов и центральноазиатских хунну, но при этом она так и не получила убедительной аргументации, связанной с выделением групп археологических памятников, маркирующих продвижение хунну в Европу. Весьма перспективной в этом отношении казалась гипотеза о генетических связях ритуальных бронзовых котлов Восточной и Центральной Европы III–V вв. с центральноазиатскими образцами более раннего времени; в наиболее развернутом виде этот вопрос рассмотрен в работах Н.А. Боковенко и И.П. Засецкой [10, 11]. Однако, как показал С.В. Демиденко, бронзовые котлы Восточной Европы II–III вв. по технологии изготовления и ряду других признаков не имеют ничего общего с китайскими и хуннскими образцами; традиции их изготовления сложились в Восточной Европе вполне самостоятельно, причем все указанные котлы связаны с памятниками позднесарматской культуры [12].

Сказанное выше позволяет полагать, что европейские гунны являлись автохтонами западной части Евразийского материка, а не мигрантами из Центральной Азии. Ввиду этого задача по вычленению археологических комплексов, которые можно было бы связать с европейскими гуннами, предстает актуальной научной проблемой.

В этой связи необходимо отметить, что не позднее середины II в. н.э. у одной из групп населения равнинно-предгорной зоны центральной части Северного Кавказа складывается катакомбный обряд погребений, в том числе и подкурганых. В первой половине – середине III в. очень крупные группы населения, связанного с этим обрядом, мигрируют в сопредельные области Затеречья, а также в низовья Сулака и в степную часть современного Ставропольского края. В этот же период носители данного обряда в значительном числе оседают и в более отдаленных регионах: в Нижнем Подонье, в Днепровском Левобережье, в Буджакской степи (близ дунайской дельты) и в сопредельной с ней части современной Республики Молдавия. Подробный анализ соответствующих археологических источников представлен в работах М.П. Абрамовой [13, 14], а также в монографии Т.А. Габуева и В.Ю. Малашева [15].

В степной части Восточной Европы к периоду указанных миграций доминировала позднесарматская археологическая культура. Ее диагностическими признаками являются подкурганые погребения (преимущественно индивидуальные) в меридианально ориентированных узких прямоугольных ямах или узких подбоях, а также северная ориентировка погребенных и искусственная деформация черепов (см., напр., [16]). Нижняя хронологическая граница позднесарматской культуры – середина II в. н.э. [17, 18]. Верхняя хроноло-

гическая граница различается по отдельным регионам: для Северного Причерноморья и Нижнего Подонья это рубеж III и IV вв., для Поволжья и Южного Приуралья – IV в. (см., напр., [19]). Последние по времени обобщающие работы по памятникам позднесарматской культуры принадлежат А.С. Скрипкину и М.Г. Мошковой [20–22].

Подавляющее большинство современных исследователей отождествляют эту культуру с аланами, правда, с различными оговорками. обстоятельный обзор существующих точек зрения по данному вопросу представлен в одной из работ М.П. Абрамовой [23]. Впрочем, В.Ю. Малашев считает эту точку зрения недоказанной [24].

Как нам представляется, доказательство указанной идентичности кроется в информации Аммиана Марцеллина (IV в.) об аланах: «Истр, пополнившись водой притоков, протекает мимо савроматов, область которых простирается до Танаиса, отделяющего Азию от Европы. За этой рекой аланы занимают простирающиеся на неизмеримое пространство скифские пустыни. Имя их происходит от названия гор. Мало-помалу они подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя, как сделали это персы. Из этих народов нервии занимают среднее положение и соседствуют с высокими крутыми горными хребтами, утесы которых, покрытые льдом, обвеивают аквилоны» (31. 2. 13–14) [цит. пер.: 25, с. 492–493].

Несколько ниже Аммиан Марцеллин пишет: «С другой стороны поблизости от места обитания амазонок смежны с востока аланы, рассеявшиеся среди многолюдных и великих народов, обращенных к азиатским областям, которые, как я узнал, простираются до самой реки Ганга, пересекающей земли индов и впадающей в южное море.

Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения. Нет у них шалашей, никто из них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свой город на кибитки и двигаются дальше. В кибитках сходятся мужчины с женщинами, там же рождаются и воспитываются дети, это – их постоянные жилища, и куда бы они не зашли, там у них родной дом. Гоня перед собой упряжных животных, они пасут их вместе со своими стадами, а более всего заботы уделяют коням. Земля там всегда зеленеет травой, а кое-где попадаются сады плодовых деревьев. Где бы они ни проходили, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота, что является следствием влажности почвы и обилия протекающих рек. Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами» (31. 2. 16–20) [цит. пер.: 25].

Представленный в данном описании факт широкого распространения имени алан в предгуннский период вполне соотносится с фактом доминирования позднесарматской культуры в степном поясе Восточной Европы. Это заключение и является, на наш взгляд, доказательством идентичности позднесарматской культуры аланам. Еще один аргумент в пользу данного тезиса состоит в том, что информация Аммиана Марцеллина о кочевом образе жизни алан соответствует распространенности позднесарматской культуры именно в степной зоне.

В середине II в. н.э. из Нижнего Поволжья в Нижнее Подонье мигрирует крупная группа степняков [26]. Часть ее осела в Танаисе. Как обращает внимание Д.Б. Шелов, с

этого времени танаисские надписи фиксируют значительно больше имен горожан с иранскими именами, чем ранее. При этом набор данных имен по своему характеру существенно отличается от более ранних танаисских имен иранского происхождения [27]. Это свидетельствует о том, что новое население этого города было ираноязычным. А поскольку некоторое время спустя Аммианом Марцеллином в этом регионе фиксируются аланы, то можно достаточно уверенно полагать, что эти мигранты из Нижнего Поволжья являлись аланами. По уточнению С.И. Безуглова, прилив указанного нового населения из Нижнего Поволжья в Нижнее Подонье должен датироваться не ранее 135 г. [28].

По мнению С.И. Безуглова, у Аммиана Марцеллина название «аланы» – «явно не этноним в современном понимании термина; многоплеменной состав аммиановых алан подчеркнут самим автором в знаменитых пассажах XXXI, 2, 13 и 17. Особое значение может иметь лишь разделение Марцеллином «европейских алан» и «алан – прежних массагетов» (XXII, 8, 42 и XXIII, 5, 16; XXXI, 2, 12)» [29]. «Аланы-танаиты, таким образом, – пишет далее С.И. Безуглов, – представляли собой лишь небольшую локальную группу всех алан, охарактеризованных Аммианом. Из сопоставления фрагментов XXXI, 2, 12 и 3, 1 следует тождество алан-танаитов и алан – прежних массагетов (т.е. восточных, а не «европейских» алан)» [29]. Основываясь на данной интерпретации сообщений Аммиана Марцеллина об аланах, С.И. Безуглов приходит к заключению и о принципиальных культурных отличиях алан-танаитов от других аланских групп и, в частности, от «европейских алан» (см. ниже). Эта точка зрения разделяется и рядом других исследователей [30–32].

У Аммиана Марцеллина северо-причерноморские аланы действительно именуется «европейскими аланами» (22. 8. 42), но такое их именование связано только с тем, что в соответствии с принятым у этого автора географическим разделением Европы и Азии по реке Танаис (31. 2. 13; в этом он следует Птолемию) все аланы, живущие к западу от этой реки, должны обозначаться как именно «европейские». Что же касается точки зрения С.И. Безуглова о том, что именование Аммианом Марцеллином алан «бывшими массагетами» (31. 2. 12) относится только к аланам-танаитам, то этот взгляд ни на чем не основан – у Аммиана Марцеллина нет ни намека на то, что именование «бывшими массагетами» может относиться только к одной из локальных групп алан, оно у него относится ко всей совокупности аланских племен, включая и «европейских алан». Нет у него ни намека и на то, что аланы-танаиты в плане культуры чем-то отличались от остальных аланских групп. Из этого следует, что аланы в этот период являлись в целом культурно единым этническим массивом, разделенным, впрочем, по информации Аммиана Марцеллина (см. выше), на отдельные племена [33, 34], что подразумевает какие-то дифференцирующие этнокультурные различия.

Именование Аммианом Марцеллином алан «бывшими массагетами» присутствует также и в его изложении обстоятельств похода Помпея на Кавказ в 66–65 гг. до н.э.: «Не стану говорить о Лукулле или Помпее, который, пройдя через земли албанов и массагетов (которых мы называем теперь аланами), разбил и это племя (персов) и видел Каспийское море» (23. 5. 16) [цит. пер.: 35].

Такое же пояснение присутствует и в труде Диона Кассия (II–III вв.). Правда, рассказывая о кавказском походе Помпея, он не упоминает о его столкновении с аланами (Dio Cass. 37. 1–2), но в другом своем сообщении – об аланском походе в Закавказье около 136 г. н.э. – он пишет о том, что аланы являются массагетами (Dio Cass. 69. 15).

Одним из источников данных представлений об аланах является труд Лукана (I в. н.э.). Именно он сообщает о разгроме Помпеем не только албан, но еще и алан (Lucan. 8. 133, 223; 10), правда, он не именуется последних «массагетами». Упоминание алан в связи

с кавказским походом Помпея является анахронизмом, так как, во-первых, имя алан становится известно лишь столетие спустя – во второй половине I в. н.э., и, во-вторых, другие источники (Аппиан, Плутарх, Дион Кассий), сообщая об этом рейде, алан не упоминают вовсе (развернутый анализ источников по данной теме представлен в многочисленных работах [36–39 и др.]). Ввиду этого Е. Тойблер и В.Н. Гамрекели рассматривали упоминание Луканом в связи с этими событиями алан как следствие смешения имен «албан» и «алан» [40, 41]. (Ср., однако, точку зрения Ю.С. Гаглойти [34, с. 81 сл.]) Нельзя с этим не согласиться.

Трудно судить о причинах возникновения в ряде классических источников представления об аланах как о «массагетах». Нельзя исключать того, что именование Аммианом Марцелином (и Дионом Кассием) алан «бывшими массагетами» (31. 2. 12) может отражать его (или, точнее, его источника) представление о Средней Азии как о прародине алан, а именно в этом регионе Страбон (I в. до н.э. – I в. н.э.) фиксирует массагетов (*Μασσαγέται*; Strabo 11. 6. 2; 8. 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9; 15. 1. 6; 17. 3. 9). Впрочем, возможны и другие объяснения этого.

В связи с рассматриваемой проблемой нужно отметить, что во второй половине III–IV в. в Нижнем Подонье и Северном Причерноморье наблюдается постепенное вытеснение позднесарматской культуры обрядом подкуранных катакомб. До недавнего времени этот обряд рассматривался в качестве одного из вариантов позднесарматской культуры, однако В.Ю. Малашевым была аргументирована неправомочность данной точки зрения [42]. Он связывает обряд подкуранных катакомб Нижнего Подонья с «центральнокавказской культурной традицией (аланской / раннеаланской культурой)» [42]. Несколько раньше эта точка зрения была высказана С.И. Безугловым и В.П. Копыловым [43].

Как нам представляется, указанное обстоятельство позволяет выделять соответствующие памятники в особую археологическую культуру – культуру северокавказских катакомбных погребений II–V вв.

Первые обстоятельные работы по данной проблеме принадлежат Л.Г. Нечаевой. Ею было предложено, в частности, идентифицировать сарматские погребения в подбоях с гуннами, а катакомбы Северного Кавказа – с аланами [44, 45], причем аланы, по ее предположению, являлись выходцами из Средней Азии [46].

Полемизуя с Л.Г. Нечаевой, М.П. Абрамова отмечала, что «аланы, упоминаемые античными авторами, и северокавказские аланы – это далеко не идентичные понятия. Первые – это кочевые сарматские племена, с которыми римляне непосредственно сталкивались на границах своей империи на Дунае и в Закавказье во время многочисленных военных походов. Аланы Северного Кавказа – это оседлое население, обитавшее с середины I тыс. н.э. в центральных районах Северного Кавказа, где они локализируются многочисленными письменными источниками (византийскими, сирийскими и др.). Эти аланы, как и сарматские кочевники, были ираноязычны, однако по своему этническому составу они значительно отличались от кочевых аланских племен, поскольку включали в свой состав многочисленные группировки местного населения Центрального Предкавказья» [47, с. 59]. Как отмечала М.П. Абрамова, «если тезис Л.Г. Нечаевой о том, что подбойный обряд был принесен в Восточную Европу гуннами, не нашел поддержки у археологов, то точка зрения об аланской принадлежности подкуранных катакомб Северного Кавказа первых веков нашей эры была безоговорочно принята всеми» [47, с. 59].

Следует подчеркнуть, что под собственно аланами М.П. Абрамова в своих работах понимала исключительно носителей позднесарматской культуры. Она именуется этих алан также «сарматами» или «сарматскими кочевниками». Что же касается носителей обряда подкуранных катакомб, то они у нее всегда, так же как и в цитированных выше

текстах, именуются «северокавказскими аланами», причем ею под данным сочетанием понимается оседлое население – в отличие от собственно алан, являвшихся кочевниками (см. выше).

В период с III в. до н.э. и до начала III в. н.э. катакомбный обряд погребения функционировал у ряда этнических групп Центрального Предкавказья, причем эти захоронения принадлежали элитным группам населения [47, с. 31]. При этом суммарно таких погребений еще десятилетие назад было известно немного. Но именно с ними М.П. Абрамова и связывала происхождение подкуранных катакомб несколько более позднего времени – III–IV вв., причем обряд подкуранных катакомб, по ее мнению, развился в Предкавказье самостоятельно [47, с. 70–74].

Другая точка зрения принадлежит Т.А. Габуеву. По его мнению, эта группа памятников связана с мигрантами из Средней Азии. Что же касается предкавказских катакомб предшествующего периода, то, по его мнению, они по ряду существенных признаков отличаются от катакомб III–IV вв., и поэтому не могут быть генетически с ними связаны [48, с. 76–78]. Т.А. Габуев соглашается с М.П. Абрамовой в том, что ранние катакомбы Центрального Предкавказья (III в. до н.э. – начало III в. н.э.) никак не связаны с миграцией «сармат», а зарождаются там вполне самостоятельно [48, с. 76]. А подкуранные катакомбы III–IV вв., по мнению Т.А. Габуева, являются для данного региона новшеством [48, с. 77–78]. Их происхождение связывается им со среднеазиатскими аланами. Впрочем, этот свой тезис исследователь считает гипотезой, требующей детального изучения [48, с. 79].

В.Ю. Малашев полагает возможным, что носители обряда катакомбных погребений первых веков н.э. центральной части Северного Кавказа могли называться «аланами». В этом он опирается на точку зрения С.И. Безуглова о том, что из данных Аммиана Марцеллина следует, что аланы-танаиты отличались от европейских алан [49]. Однако, как было показано выше, у Аммиана Марцеллина нет указаний на это, и, следовательно, нет возможности связывать носителей данного обряда с аланами.

Этот обряд, на наш взгляд, может быть отождествлен только с гуннами. Для аргументации данного тезиса необходимо, прежде всего, обратиться к данным древнеармянского автора Фавстоса Бузанда (V в.). По его сообщению, среди народов, принявших участие в нападении маскутского царя Санесана на Армению в 30-х гг. IV в., были как аланы, так и гунны [50, гл. 3.7]. Гунны и аланы упоминаются Фавстосом Бузандом также и в связи с событиями 60-х гг. IV в., когда они привлекались армянским царем Аршаком II (350–368) к отражению набегов персов на Армению [50, гл. 4.25].

Оба эти факта показывают, что в IV в. к северу от Дербентского прохода обитали и аланы, и гунны, а поскольку первые из них были связаны с позднесарматской культурой (см. выше), то в случае с идентификацией подкуранных катакомб с некими *другими* аланами для гуннов не находится места на археологической карте Предкавказья, и, следовательно, с указанными памятниками могут быть идентифицированы только гунны.

Кроме того, поскольку известно, что в посталанский (гуннский) период именно гуннам и принадлежало военное доминирование в южной части Восточной Европы, то с ними и следует связывать указанные памятники, так как в противном случае для гуннов опять-таки не находится места на археологической карте данного региона.

До масштабных раскопок на могильнике Брут 2 и Зилгинском городище генезис катакомбного обряда на Северном Кавказе и его возможных истоков оставался не до конца ясным. Исследователям приходилось довольствоваться весьма многочисленными, но все же сравнительно поздними памятниками III–IV вв. Из этих материалов вырисовывалась картина очень крупных миграций в Терско-Сунженское междуречье, в Нижнее Подонье, Дне-

провское Левобережье и Дунайско-Днестровское междуречье, о чем уже говорилось выше, причем масштабы этих миграций в Терско-Сунженском междуречье являются более чем впечатляющими – бесконечные курганные поля с тысячами погребений. Эти поля сопровождают остатки синхронных городищ и поселений. Миграции данного населения в Нижнее Подонье и Днепровское Левобережье была менее масштабной, но все же достаточно впечатляющей. Так, в Нижнем Подонье выявлены уже сотни таких захоронений [51].

На наш взгляд, материалы могильника Брут 2 (Пригородный район Республики Северная Осетия – Алания) подтверждают отстаивавшееся М.П. Абрамовой представление о местных истоках катакомбных погребений Терско-Сунженского междуречья III–IV вв.

Напомним, что близ Брутского городища исследованы три связанных с ним могильника: курганный могильник Брут 1 (самый конец IV в. – середина V в.), грунтовой могильник V в. и могильник Брут 2 (вторая половина II в. – начало VII в.) [52, 53].

Могильник Брут 2 занимает площадь 4 кв. км. На нем представлены как грунтовые, так и подкурганые катакомбы, причем они располагаются там вперемешку. Вскрытые захоронения относятся к трем хронологически периодам: 1) вторая половина II – середина III в.; 2) конец IV – первая половина V в.; 3) конец VI – начало (первая треть?) VII в. [54, 55]. Всего вскрыто 19 подкурганных катакомб, 27 безкурганных катакомб и 2 ямы без покойников. Большинство вскрытых захоронений относится к первому из указанных периодов.

Наличие хронологического разрыва между памятниками 1-го и 2-го периодов позволяют Т.А. Габуеву придерживаться своей прежней точки зрения о том, что подкурганные катакомбы центральной части Северного Кавказа III–IV вв. могут быть связаны с миграцией среднеазиатского населения. Впрочем, основной его аргумент в данном случае состоит в расхождении между деталями погребальных конструкций на могильнике Брут 2 первого и второго периодов [55, с. 10, 69–114, 164].

С этим не согласен В.Ю. Малашев, который разделяет мнение М.П. Абрамовой о самостоятельном развитии в данном регионе традиции катакомбных погребений [55, с. 10, 115–162, 164]. В поддержку этой точки зрения можно привести следующие два аргумента. Во-первых, различия между отдельными деталями погребальных конструкций могильника Брут 2 первого и второго периодов могут быть связаны с постепенными трансформациями местных традиций. Во-вторых, появление в конце IV в. катакомбных захоронений на могильнике Брут 2, конечно, можно объяснить миграцией из Средней Азии, но в таком случае требуется разъяснение еще и того, почему эти мигранты осели в том самом месте, где еще и до них бытовал подобный обряд. Понятно, что логичнее всего связывать указанные различия не с миграцией, а опять-таки самостоятельным развитием местных традиций. Сказанное позволяет присоединиться к точке зрения М.П. Абрамовой и В.Ю. Малашева о местных истоках данного обряда.

Касаясь вопроса этнической идентификации носителей данного обряда, В.Ю. Малашев отмечает следующее: «Термин «раннеаланская» («предаланская») культура, предложенный М.П. Абрамовой [56], на наш взгляд, условен и поэтому будет братья в кавычки» [57]. Тем не менее далее в своей работе В.Ю. Малашев довольно часто обходится без кавычек в данном именовании этой культуры (см. ниже). Подобный же подход представлен в коллективной монографии В.Ю. Малашева, М.С. Гаджиева и Л.С. Ильюкова [58].

О том, что В.Ю. Малашев присоединяется к точке зрения С.И. Безуглова о возможности именовании этого населения аланами-танаитами, уже говорилось выше. К контраргументам, выдвинутым нами выше, можно добавить еще и следующий.

Строго говоря, нет оснований для идентификации данных памятников в качестве аланских. Термин *алан* на Кавказе в этот период неизвестен [59]. Именно по этой при-

чине В.А. Кузнецов и относил становление раннесредневековой археологической культуры, именуемой им «аланской», к постгуннскому периоду [60]. С этим не согласен Ю.С. Гаглойти: он связывает с аланами сармат и аорсов [61], что, конечно же, трудно доказуемо.

Еще раз отметим, что до настоящего времени значительное влияние на интерпретацию информации источников по истории европейских гуннов оказывала гипотеза об их центральноазиатском происхождении. Достаточно сказать, что из крупных исследователей один только Э.А. Томпсон рассматривал ее как «фантастическую» [62]. Как уже говорилось, эта гипотеза так и не обрела убедительной и, главное, надежной аргументации, но, несмотря на это, она оказывала своего рода «гипнотизирующее» влияние на исследователей, заставляя их в ряде случаев извлекать из материалов источников информацию, которую они на самом деле не содержат.

К примеру, почти все исследователи соглашались с тем, что фигурирующий у Аммиана Марцеллина физический тип гуннов соответствует монголоидному (см., напр., [63–65]), хотя у этого автора нет никаких указаний на это. Прочитав соответствующее его описание: «Так как при самом рождении на свет младенца ему глубоко прорезают щеки острым оружием, чтобы тем задержать своевременное появление волос на зарубцевавшихся надresaх, то они доживают до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов. Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, они имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей, или уподобить тем грубо отесанным наподобие человека чурбанам, которые ставятся на краях мостов» (31. 2. 2) [цит. пер.: 66].

Как справедливо отмечает Л.А. Боровкова, если бы европейские гунны действительно были бы монголоидны, то это непременно было бы отмечено современниками [67, с. 73]. Кстати, Л.А. Боровкова связывает происхождение европейских гуннов с регионом, лежащим к северу от Дона [67, с. 60, 70–71], и предположительно локализует их также в верховьях Днепра [67, с. 72]. Впрочем, никакой привязки к каким-либо группам археологических памятников этот исследователь не дает.

Возвращаясь к аргументации излагаемой здесь концепции, напомним, что, по сообщению Аммиана Марцеллина, гунны сначала подчинили донских алан (Amm. Marc. 31. 3. 1–3), а затем заключили с ними союз и вместе с ними нанесли поражение готам-грейтунгам (Amm. Marc. 31. 3. 3) (= остготы; около 373 г.). Царь остготов Германарих, будучи не в силах сдержать гуннов, покончил жизнь самоубийством, а его преемник Витимир заключил союз с «другим племенем гуннов» и вместе с ними оказывал сопротивление аланам, союзникам гуннов (Amm. Marc. 31. 3. 3).

Из этих показаний, строго говоря, остаются неизвестными даты разгрома гуннами алан-танаитов и готов. Так, что касается датировки разгрома готов, то исследователями лишь предполагалось, что остготы были разбиты около 373 г., после чего гунны обрушились на западные группы готов. А поскольку последние стали стекаться к дунайской границе Римской империи около 375 г., то сложившееся в науке представление о том, что остготы потерпели поражение приблизительно двумя годами ранее, не может вызывать каких-либо возражений.

Относительно же даты разгрома гуннами алан-танаитов условно считалось, что он мог иметь место приблизительно двумя годами ранее нападения на остготов, то есть около 371 г. Однако в действительности же, опираясь на данные Аммиана Марцеллина, можно говорить лишь о том, что указанное событие имело место не позднее 371 г. В таком случае отнесение этой войны к III в. никак не противоречит сообщению Аммиана Марцеллина.

Что же касается «другого племени гуннов», которое заключило, по сообщению Аммиана Марцеллина, союз с готским царем Витимиром, то оно может быть идентифицировано либо с днестровско-дунайской группой носителей обряда катакомбных захоронений, либо с Левобережной Днепровской. За более чем столетний период своего обитания там они успели довольно прочно встроиться в черняховскую культуру, о чем свидетельствуют археологические материалы. Надо также полагать, что длительная территориальная оторванность этих мигрантов от основного ареала культуры северокавказских катакомбных погребений привела их к определенной политической обособленности. Вследствие этого в 70-х гг. IV в. эти «другие гунны» воевали на стороне остготов против алан, являвшихся на тот момент союзниками гуннов.

Таким образом, изложенный выше тезис о кавказском происхождении европейских гуннов не противоречит показаниям письменных источников, а даже напротив, позволяет дать объяснения имеющимся в них различным неясностям.

Изложенное же выше положение о принадлежности северокавказских катакомбных погребений II–V вв. гуннам можно подкрепить еще и следующими аргументами: 1) ареал распространения катакомбных погребений этого времени не выходит за пределы Гуннского государства; 2) верхняя хронологическая граница бытования обряда катакомбных погребений ограничивается временем падения Гуннского государства. Еще один аргумент состоит в следующем.

Рубежом IV–V вв. датируются унифицированные подкуранные катакомбные погребения с перпендикулярным расположением длинных осей входной ямы и погребальной камеры (Т-образные катакомбы; тип I по классификации К.Ф. Смирнова [68]). Такие унифицированные памятники встречаются по всей бывшей территории Гуннского государства – от Северного Причерноморья до приморской части современного Дагестана. Они представлены, в частности, на Львовских (Сулакские) могильниках, а также и на могильниках типа Паласа-сырт [69]. На собственно Паласа-сыртском могильнике такие захоронения представлены обособленными группами [70–79].

Унифицированные подкуранные катакомбы этого времени появляются в это время даже в том регионе, где и зародился обряд северокавказских катакомбных погребений, – в центральной части Северного Кавказа. Это, к примеру, могильник Брут 1 (о нем см. выше), принадлежащий элитной группе населения.

Факт распространения унифицированных подкуранных катакомб можно расценивать как свидетельство развернувшегося у гуннов в этот период процесса политической консолидации и расселения представителей формирующегося у гуннов института центральной власти по всем регионам их расселения – от Северного Причерноморья до Западного Прикаспия.

Формирование у гуннов монархического начала было связано, скорее всего, с самой западной их группой – подунавской, так как именно с этим регионом связаны упоминания письменными источниками о первом гуннском вожде Ульдине, причем это упоминание относится к 400 г. Все последующие гуннские правители также связаны с этим регионом: там, согласно источникам, находилась их ставка и там же находились «царские гробницы» гуннов. Кстати, по сообщению готского историка Иордана (VI в.), остготский царь Германарих был разбит гуннским «царем» Баламбером (около 373 г.). Наиболее взвешенной представляется интерпретация этого сообщения А.В. Гадло: Баламбер являлся не «царем», а военным вождем, избранным на время кампании против остготов [80]. Близкой точки зрения придерживается В.П. Никоноров [81]. По мнению же, высказанному Э.А. Томпсоном, после победы над остготами гуннское объединение распалось [82].

Письменные источники не дают никаких оснований полагать, что монархическое начало возникает у гуннов ранее 400 г. Первым гуннским монархом мог быть только

Ульдин. Следовательно, именно с ним и следует связывать процесс политической консолидации различных групп гуннов, о котором говорилось выше, и именно с его объединительной деятельностью и следует связывать распространение по всему ареалу расселения гуннов унифицированных подкуранных катакомб. Это утверждение можно подкрепить следующим аргументом: время первого упоминания Ульдина – 400 г. – совпадает с датировкой наиболее ранних из указанных унифицированных погребений – рубеж IV и V вв.

Согласно письменным источникам, в этот период происходит усиление и расширение Гуннской державы. Можно в этой связи обратить внимание на то, что с этого времени унифицированные подкуранные катакомбы встречаются уже и в тех регионах, где ранее памятники культуры северокавказских катакомбных погребений II–V вв. не имели распространения. Этот факт можно расценивать как свидетельство развернувшейся в данный период внешней экспансии гуннов.

Расширение в конце IV – первой половине V в. ареала распространения северокавказских катакомбных погребений можно проиллюстрировать, к примеру, материалами богатого подкурного катакомбного погребения у с. Лосево Павловского района Воронежской области, датированного концом IV – началом V в. [83, с. 118–120]. В.Д. Березуцкий и А.П. Медведев полагают, что оно принадлежит алану, бежавшему от гуннов [83, с. 118–119]. Но в свете изложенной выше концепции этногенеза кавказских и европейских гуннов это захоронение надо связывать с гуннским аристократом.

Нельзя также не обратить внимание на то, что для носителей культуры северокавказских катакомбных погребений II–V вв. были характерны разные типы катакомб (по классификации К.Ф. Смирнова [84]). Отсюда со всей очевидностью следует, что для них было значащим только наличие самой катакомбы, а остальные детали являлись не столь существенными, причем различия в указанных деталях со временем накапливались, но не переставали восприниматься носителями данного обряда как особенно принципиальные. Данный факт говорит о выработке у гуннов устойчивого комплекса религиозных представлений и связанных с ним норм и предписаний, причем его оформление происходило уже в первые века н.э.

Несколько особый вид указанных выше захоронений связан с Крымом. Там выявлено около двух десятков некрополей, на которых представлены катакомбные погребения III–V вв. Наиболее хорошо изученным является могильник Нейзац, расположенный в долине р. Зуя, на склоне г. Ташлы-Баир, в Белогорском районе, в 1–1,5 км к юго-востоку от с. Баланово. Основным исследователем Нейзацкого некрополя – И.Н. Храпунов – именуется указанные катакомбные погребальные конструкции «склепами» (см., напр., [85–87] и др.). Так же они именуется и его последователями [88]. Однако эти сооружения являлись по сути теми же катакомбами. Они состояли из входной ямы, погребальной камеры и связывающего их дромоса [89, 90].

Начало функционирования Нейзацкого могильника относится ко II в. н.э. [91, 92]. В этот период на нем практиковались подбойные погребения и захоронения в грунтовых ямах [92]. Практически все они по своей культуре являются среднесарматскими [93]. В нескольких таких могилах «удалось зафиксировать остатки тлена от гробов или колод» [94].

В первой половине III в. на Нейзацком могильнике появляются катакомбные погребения (склепы) [95–97]. Эти захоронения уверенно связываются их исследователями с миграцией в Крым «северокавказских алан» ([98–102] и др.). Возражения против данной точки зрения высказывались М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашевым [103].

На Нейзацком некрополе катакомбы сосуществуют с прежними типами погребений [104, 105]. Выявлено 11 катакомб, датированных первой половиной III в. [105]. Судя по

всему, во второй половине III в. катакомб на данном могильнике становится меньше [106–109]. По предположению И.Н. Храпунова и С.А. Мульда, в этот период происходят подзахоронения в старые катакомбы (склепы) и подбойные могилы [110–112]. «Не исключено, – как считает С.А. Мульд, – что ранний участок могильника приходит в запустение и это становится причиной того, что уже на рубеже III–IV веков здесь возникает поселение, связанное с появлением нового населения, как принято сейчас полагать – северокавказскими аланами» [112, с. 57]. Как уже говорилось выше, под этими «северокавказскими аланами» надо понимать кавказских гуннов.

Небезынтересно, что гуннское население уже в самом начале IV в. начинает заново осваивать Нейзацкий некрополь. Так, некоторые из катакомбных сооружений возводятся с использованием отдельных конструктивных элементов более ранних подбойных захоронений, а именно их входных ям. В одном из таких случаев останки погребенного в подбое были сдвинуты к торцевой стенке входной ямы и прикрыты закладными плитами более раннего захоронения [112, с. 41].

Следует также отметить, что Нейзацкий некрополь исследован почти полностью. Общее количество выявленных могил – 602 [112, с. 38], из которых 256 являются погребениями в грунтовых ямах (42,52%) [112, с. 49], 191 – подбоями (31,73%) [112, с. 45], 87 – катакомбы (склепы; 14,45%) [112, с. 40]. Особенностью катакомб (склепов) могильника Нейзац является многократное использование некоторых из них. Поэтому, несмотря на общую малочисленность самих катакомб, носители данного обряда преобладали на данном могильнике [113, с. 17]. Наибольшее число погребенных в таких сооружениях относится к IV в. [113, с. 17]. Покойников размещали в катакомбе, как правило, в один ярус. Только в некоторых из них зафиксированы погребения в два яруса [113, с. 20]. Многократное использование катакомб представляет собой одну из характерных особенностей культуры носителей данного обряда Нейзацкого могильника. Еще одной такой особенностью является использование колод. Данная традиция, несомненно, заимствована у нейзацких носителей обряда подбойных погребений (о них см. выше).

Функционирование данного некрополя продолжалось приблизительно до рубежа IV–V вв. [113, с. 17]. Как уже говорилось выше, к этому же периоду относятся около двух десятков некрополей Крыма. Эти памятники выделяются археологами в особую группу – *памятники типа Дружное-Нейзац*, по названию первых изученных могильников Крыма данного времени [114]. Наиболее полно исследован Нейзацкий некрополь. Приведенные выше особенности этого комплекса присущи и другим крымским могильникам данного типа.

Особое внимание здесь к крымским археологическим источникам связано с тем, что их изучение послужило основой для исследования оружия носителей культуры северокавказских катакомбных погребений II–V вв. Этот вопрос детально исследован И.Н. Храпуновым [115]. (Данная тема затрагивается и в других работах этого автора [116].) Значительный интерес в этом отношении представляет проведенный М.Е. Левадой сравнительный анализ крымских клинков с вырезами у его основания с аналогичными материалами Европы и Кавказа [117]. Данные вырезы у мечей – по одному с каждой стороны – находят различные объяснения у исследователей. По мнению самого М.Е. Левады, они служили фиксаторами для крепления деревянных пластин рукояти на черенке клинка [117, с. 172 (там же см. и другие точки зрения по данному вопросу)]. «Массовость и своеобразие этих клинков, – пишет исследователь, – наверняка предполагали какие-то особые, нам неизвестные, приемы рукопашного боя. История клинкового оружия... подтверждает, что любая особенность модификации холодного оружия появляется не случайно, а всегда связана с какой-нибудь специфической манерой фехтования» [117, с. 172].

И на Северном Кавказе, и в Крыму данные клинки располагались в головах или плечах похороненных или, реже, вдоль рук. В совпадении данной традиции в двух регионах И.Н. Храпунов и М.Е. Левада видят свидетельство этнического родства этих двух групп [118, 119].

Проведенное М.Е. Левадой картографирование мечей и кинжалов с вырезами у основания клинка [119, с. 175, рис. 2; с. 177, рис. 3; с. 178, рис. 4] показывает, что основными ареалами их распространения являются Северный Кавказ и Крым [119, с. 174]. Все крымские находки связаны с памятниками IV – начала V в. [119, с. 174, 179]. На Северном Кавказе такие мечи и кинжалы использовались до начала VII в. [119, с. 174, 179], а самые ранние из найденных в этом регионе клинки обнаружены в Дагестане – в Большом Буйнакском кургане [120] и в Дербенте [121], где они датируются второй половиной III в. или же, скорее, рубежом III–IV вв. [122, с. 174, 179].

Такие мечи и кинжалы встречаются также в Среднем Приднепровье, Карпатском бассейне и во Франции. Все их находки в первом из этих регионов обнаружены вне комплексов, и поэтому не могут быть точно датированы. Тем не менее, по мнению М.Е. Левады, их можно предположительно относить к середине III – началу V в. [122, с. 174]. В Карпатском бассейне выявлено 8 экземпляров. Три из них связаны с комплексами IV – начала V в. [123]. «Во Франции 2 клинка найдено в реке Лот возле Сент-Ливарад-сюр-Лю (Аквитания) и еще один на севере в Флан-сюр-Сен (Иль-де-Франс)» [124].

По мнению М.Е. Левады, путь, маркируемый этими находками, – с Северного Кавказа в причерноморскую степь, а оттуда через Венгрию во Францию, может быть сопоставлен с вандало-аланской миграцией из Приазовья [124]. Однако согласиться с этим нельзя: «северокавказские аланы», с которыми М.Е. Левада связывает появление этих клинков, являлись кавказскими гуннами (см. выше); что же касается вандалов, то они, как справедливо отмечает М.Е. Левада, по данным Прокопия Кесарийского, некогда обитали в Меотиде (Просор. BV. 1. 3. 1; Азовское море), но при этом ни один источник не связывает их с Кавказом.

Обращает на себя внимание тот факт, что ареал распространения этих клинков практически полностью совпадает с границами Гуннского государства. Что касается территории современной Франции, то гунны периодически совершали туда свои рейды на протяжении первой половины – середины V в. Таким образом, именно с гуннами и надо связывать появление этого оружия и его распространение в Европе и на Кавказе. На это указывает еще и следующее: эти клинки явно принадлежат элитной этнической группе, то есть гуннам, а никак не подчиненной им – аланам или какой-то иной этнической группе.

Подводя итоги, можно отметить, что основная аргументация обоснованной в данной работе концепции гуннской принадлежности культуры северокавказских катакомбных погребений II–V веков сводится к следующему.

1. Ареал распространения данной культуры не выходит за пределы Гуннского государства.

2. Верхняя дата бытования данной культуры ограничивается временем падением Гуннского государства.

3. Клинки с вырезами у основания не могут принадлежать какой-то подчиненной гуннам этнической группе – они явно принадлежат самим гуннам, а поскольку эти клинки связаны с данной культурой, то и сама эта культура должна быть идентифицирована как гуннская.

4. Упоминание древнеармянским автором Фавстом Бузандом в качестве участников событий в Закавказье в 30-е и 60-е годы IV в. гуннов следует воспринимать как реалии, а не анахронизм.

Можно еще раз отметить, что нет оснований для идентификации данной культуры как аланской, так как аланы в этот период источниками на Северном Кавказе не засвидетельствованы. Кроме того, ввиду сделанного выше заключения о невозможности этнических связей европейских гуннов с центральноазиатским хунну, можно сделать вывод и о случайном характере созвучия их этнонимов.

Проведенный В.Ю. Малашевым анализ материалов могильника Брут 2, а также и синхронных ему городищ центральной части Северного Кавказа, показал, что население связанных с ними памятников переживало демографический взрыв, а также процесс стремительного экономического и социально-политического подъема. Со временем это вылилось во внешнюю экспансию, о которой говорилось выше [125]. Заключение В.Ю. Малашева о высоком экономическом потенциале носителей данной археологической культуры как нельзя лучше согласуется с известной из письменных источников картиной последующих событий истории: разгром гуннами алан и готов и миграция к Дунаю.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Déguignes J.* Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux. Vol. I–IV. Paris: Desaint & Saillant, 1756–1758.

2. *Иностранцев К.[А.]* Хунну и гунны (разбор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских Гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов). Второе, доп. изд. Л., 1926. (Сер. «Издания Ленинградского института живых восточных языков им. А.С. Енукидзе». 13: Тр. тюркологического семинария. 1). С. 119.

3. *Шелов Д.Б.* Волго-донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / отв. ред. *В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт.* М.: Наука, 1978. С. 81–88.

4. *Миняев С.С.* Сюнну // Исчезнувшие народы : сб. ст. (по материалам статей журнала «Природа») / под ред. *П.И. Пучкова*; сост. *С.С. Неретина*; отв. ред. *О. Нестеренко.* М.: Наука, 1988. С. 124.

5. *Кызласов И.Л.* Алтаистика и археология. М.: Ин-т тюркологии, 2011. 256 с.

6. *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I. С. 50.

7. *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. М., 1968. С. 40.

8. *Prisci Fragmenta // Historici Graeci minores.* Vol. 1, Ed. L. Dindorfius. Lipsiae: in aedibus V.G. Teubneri, 1870. Fr. 8.

9. *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. I: Древние тюркские языки и литературы / отв. ред. *А.Н. Кононов*; сост. *С.Г. Кляшторный.* М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1986. С. 113.

10. *Боковенко Н.А., Засецкая И.П.* Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // Петербургский археологический вестник. 1993. Вып. 3. С. 73–88.

11. *Засецкая И.П.* Культура кочевников в южнорусских степях в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб., 1994. 221 с. + ил.

12. *Демиденко С.В.* О позднесарматских бронзовых литых котлах // Рос. археология. 2014. № 1. С. 26–31.

13. *Абрамова М.П.* Некоторые особенности культуры алан в первые века нашей эры // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 15: Средневековые древности евразийских степей / отв. ред. *А.З. Винников, Т.И. Макарова, М.В. Макарова.* Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 18–23.

14. *Абрамова М.П.* Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке : сб. памяти М.П. Абрамовой / отв. ред. *В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев.* М.: Ин-т археологии РАН; Таус, 2007. (Материалы и исследова-

ния по археологии России (далее – МИАР) / Рос. акад. наук, ин-т археологии, отд. скифо-сарматской археологии; отв. ред. сер. *Р.М. Мунчаев*. № 8). С. 52–76.

15. *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа (МИАР / Ин-т археологии РАН, Гос. музей искусства народов Востока; № 11); отв. ред. сер. *Р.М. Мунчаев*; отв. ред. т. *Д.В. Деоник*. М.: Ин-т археологии РАН: Таус, 2009. 468 с.

16. *Малашев В.Ю.* Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // Рос. археология. 2009. № 1. С. 47.

17. *Мошкова М.Г.* Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье, Южном Приуралье и Северном Причерноморье // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 153–214. (Сер. «Археология СССР»).

18. *Безуглов С.И.* Денежное обращение Танаиса (III в. до н. – V н.э.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 415 с.

19. *Малашев В.Ю.* Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница. С. 50.

20. *Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. 149 с.

21. *Скрипкин А.С.* К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // Вест. Древней истории. 1996. № 1. С. 160–169.

22. *Мошкова М.Г.* Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье, Южном Приуралье и Северном Причерноморье.

23. *Абрамова М.П.* Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры. С. 52–76.

24. *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. С. 152.

25. *Аммиан Марцеллин.* Римская история (Res Gestae) / пер. с лат. *Ю.А. Кулаковского* и *А.И. Сонни*; вступ. ст. *Л.Ю. Лукомского*. Изд. третье. СПб.: Алетейя, 2000. С. 492–493.

26. *Безуглов С.И., Копылов В.П.* Катакомбные погребения III–IV вв. на Нижнем Дону // Сов. археология. 1989. № 3. С. 171–183.

27. *Шелов Д.Б.* Некоторые вопросы этнической истории Приазовья в II–III н.э. по данным Танаисской ономастики // Вестн. древней истории. 1974. № 1. С. 80–93.

28. *Безуглов С.И.* Денежное обращение Танаиса (III в. до н. – V н.э.). С. 108–119.

29. *Безуглов С.И.* Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. (вып. 9) / отв. ред. *В.Е. Максименко*. Азов: Азовский краеведческий музей, 1990. С. 81.

30. *Гудкова А.В., Редина Е.Ф.* Сарматский могильник Градешка в низовьях Дуная // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Збірник наукових праць. Вип. VII. Запоріжжя, 1999. С. 190.

31. *Симоненко А.В.* Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // Рос. археология. 2001. № 4. С. 77, 89–90.

32. *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. С. 152.

33. *Кулаковский Ю.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1899. Кн. 13, отд. II. С. 114.

34. *Гаглойти Ю.С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси: Мецниереба, 1966. С. 106–112.

35. *Аммиан Марцеллин.* Римская история (Res Gestae). С. 288.

36. *Манандян Я.А.* Круговой путь Помпея в Закавказье // Вестн. древней истории. 1939. № 4. С. 70–82.

37. *Lucullus, Pompey and the East* // Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. IX: The Last Age of the Roman Republic, 146–43 BC. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

38. *Seager R.* Pompey the Great: a political biography. 2nd ed. Malden, MA – Oxford: Blackwell, 2002.

39. *Циркин Ю.Б.* Помпей Великий и его сын // Гражданские войны в Риме. Победенные. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 138–208. (Сер. «История и культура»).

40. *Taübler R.* Zur Geschichte der Alanen // *Klio*. Bd. IX. H. I. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1909. S. 14.
41. *Гамрекели В.Н.* Двалы и Двалетия в I–XV вв. н.э. Тбилиси, 1961. С. 63.
42. *Малашев В.Ю.* Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница. С. 50.
43. *Безуглов С.И., Копылов В.П.* Катакомбные погребения III–IV вв. на Нижнем Дону.
44. *Нечаева Л.Г.* Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1956. 16 с.
45. *Нечаева Л.Г.* Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // *Исследования по археологии СССР*. Л., 1961. С. 151–159.
46. *Нечаева Л.Г.* Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. С. 14.
47. *Абрамова М.П.* Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры». С. 31, 59, 70–74.
48. *Габуев Т.А.* Некоторые вопросы этнической истории Центрального Предкавказья в сарматское время // *Сов. археология*. 1997. № 3. С. 76–79.
49. *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. С. 152.
50. *История Армении Фавстоса Бузанда* / пер. с др.-арм. и коммент. *М.А. Геворгияна*; под ред. *С.Т. Еремяна*; вступ. ст. *Л.С. Хачикяна*. Ереван: АН Армянской ССР, 1953. (Сер. «Памятники древнеармянской литературы»). Гл. 3.7, 4.25.
51. *Безуглов С.И.* Курганные катакомбные погребения позднеаримской эпохи в нижнедонских степях // *Проблемы современной археологии* : сб. памяти В.А. Башилова / МИАР. № 10. М.: Таус, 2008. С. 286.
52. *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Элементы погребального обряда могильников Брутского городища // *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке*. С. 460–461.
53. *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. С. 9–10, 111.
54. *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Элементы погребального обряда могильников Брутского городища. С. 460–461.
55. *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. С. 10, 69–114, 115–162, 143, 164.
56. *Абрамова М.П.* Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // *Археология СССР*. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 280.
57. *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. С. 115. Прим. 28.
58. *Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Илюков Л.С.* Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала: Мавраевъ, 2015. С. 115–162.
59. *Гамрекели В.Н.* Двалы и Двалетия в I–XV вв. н.э. С. 70.
60. *Кузнецов В.А.* Аланские племена Северного Кавказа / отв. ред. *Е.И. Крупнов* // *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 106. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 7, 30.
61. *Гаглойти Ю.С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. С. 68 сл.
62. *Thompson E.A.* A History of Attila and the Huns. Oxford: Clarendon Press, 1948. P. 1.
63. *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. (Тр. Ин-та востоковедения АН СССР. Т. 41). С. 49.
64. *Артамонов М.И.* История хазар. Изд. второе. СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2002. С. 68.
65. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1979. С. 11.
66. *Аммиан Марцеллин.* Римская история (*Res Gestae*). С. 491.

67. *Боровкова Л.А.* Народы Средней Азии III–VI веков (по древним китайским и западным источникам). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2008. 368 с.
68. *Смирнов К.Ф.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // Сов. археология. 1972. № 1. С. 73–81.
69. *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. С. 159.
70. *Гмыря Л.Б.* Исследование обособленной курганной группы южного участка Паласа-сыртского могильника IV–V вв. в 2010 г. // Вестн. Ин-та истории, археологии и этнографии. 2011. № 1. С. 101–120.
71. *Гмыря Л.Б.* Исследование обособленной курганной группы № 2 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Там же. 2011. № 3. С. 130–159.
72. *Гмыря Л.Б.* Исследование обособленной курганной группы № 3 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Там же. 2012. № 3 (31). С. 143–189.
73. *Гмыря Л.Б.* Исследование обособленной курганной группы № 4 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Там же. 2013. № 4. С. 130–185.
74. *Гмыря Л.Б.* Исследование обособленной курганной групп № 5 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Там же. 2014. № 4. С. 123–172.
75. *Гмыря Л.Б.* Исследование обособленной курганной групп № 6 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Там же. 2015. № 4. С. 105–141.
76. *Гмыря Л.Б.* Исследование обособленной курганной группы № 7 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Там же. 2016. № 4. С. 171–184.
77. *Гмыря Л.Б., Абиев А.К.* Комплексное исследование обособленных курганных групп на Паласа-сыртском могильнике IV–V вв. (2009–2011 гг.) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения : материалы Междунар. науч. конф. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 299–302.
78. *Гмыря Л.Б., Магомедов Ю.А.* Специфика керамических комплексов обособленных курганных групп № 1–5 Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Вестн. Ин-та истории, археологии и этнографии. 2015. № 1. С. 106–136.
79. *Гмыря Л.Б., Магомедов Ю.А.* Новые материалы Паласа-сыртского курганного могильника по проблемам этнокультурного и социального развития кочевых племен Западного Прикаспия в IV–V вв. // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX «Крупновские чтения» : материалы Междунар. науч. конф. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. Грозный: Чечен. гос. ун-т, 2016. С. 144–146.
80. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. С. 14.
81. *Никоноров В.П., Худяков Ю.С.* «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Атилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004; М.: Филоматис, 2004. (Сер. «Militaria Antiqua». VI). С. 222–223.
82. *Thompson E.A.* A History of Attila and the Huns. P. 59.
83. *Березуцкий В.Д., Медведев А.П.* Аланское погребение эпохи Великого переселения народов на Среднем Дону // Рос. археология. 2015. № 1. С. 112–120.
84. *Смирнов К.Ф.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа.
85. *Храпунов И.Н.* Склеп с погребениями III–IV вв. н.э. из могильника Нейзац. Симферополь: Изд-во «Доля», 2011.
86. *Храпунов И.Н.* Особенности могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). I / под ред. И.Н. Храпунова. Симферополь; Бахчисарай: Изд-во «Доля», 2013. С. 188–207.
87. *Храпунов И.Н.* Исследования могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац : сб. науч. ст. / отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 11–36.

88. *Мульд С.А.* Погребальные сооружения могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац. С. 37–75.
89. *Храпунов И.Н.* Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / под ред. *И.Н. Храпунова*. Симферополь: Изд-во «Доля», 2011. С. 19.
90. *Мульд С.А.* Погребальные сооружения могильника Нейзац. С. 40.
91. *Храпунов И.Н.* Погребения II в. н.э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск, 2015. Вып. 1 (47).
92. *Мульд С.А.* Погребальные сооружения могильника Нейзац. С. 56.
93. *Храпунов И.Н.* Некоторые итоги исследований могильника Нейзац. С. 15.
94. *Мульд С.А.* Погребальные сооружения могильника Нейзац. С. 48.
95. *Мульд С.А.* Необычные конструкции и детали погребальных сооружений могильников первых веков нашей эры в Центральном Крыму // Херсонесский сборник. Вып. X. Севастополь, 1999.
96. *Храпунов И.Н., Мульд С.А.* Склепы с погребениями III в. н.э. из могильника Нейзац // Боспорские чтения. Вып. V: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004. С. 19.
97. *Мульд С.А.* Погребальные сооружения могильника Нейзац. С. 57.
98. *Власов В.П.* Северокавказские параллели в лепной керамике Крыма римского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. Симферополь, 2003.
99. *Храпунов И.Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. Вып. VI. Керчь, 2004. С. 137–139.
100. *Храпунов И.Н.* Некоторые итоги исследований могильника Нейзац. С. 51, 52.
101. *Мульд С.А.* Погребальные сооружения могильника Нейзац. С. 57, 58.
102. *Левада М.Е.* О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). I / под ред. *И.Н. Храпунова*. Симферополь; Бахчисарай: Изд-во «Доля», 2013. С. 171–172.
103. *Мошкова М.Г., Малашев В.Ю.* Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999. С. 172–212.
104. *Храпунов И.Н.* Некоторые итоги исследований могильника Нейзац. С. 16.
105. *Мульд С.А.* Погребальные сооружения могильника Нейзац. С. 57.
106. *Храпунов И.Н.* Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования. Вып. III. Симферополь, 2003.
107. *Храпунов И.Н.* Подбойная могила позднеимского времени из некрополя Нейзац // Херсонесский сборник. Вып. XIII. Севастополь, 2004.
108. *Храпунов И.Н.* Некоторые итоги исследований могильника Нейзац. С. 16–17.
109. *Мульд С.А.* Погребальные сооружения могильника Нейзац. С. 57.
110. *Храпунов И.Н.* Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац).
111. *Храпунов И.Н.* Склеп III в. н.э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск, 2006. Вып. XVI/1.
112. *Мульд С.А.* Погребальные сооружения могильника Нейзац. С. 57.
113. *Храпунов И.Н.* Некоторые итоги исследований могильника Нейзац. С. 17, 20.
114. *Левада М.Е.* О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы. С. 171.
115. *Храпунов И.Н.* Оружие из могильника Нейзац // Terra Barbarica. Łódź; Warszawa, 2010.
116. *Храпунов И.Н.* Некоторые итоги исследований могильника Нейзац. С. 29–35.
117. *Левада М.Е.* О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы. С. 171–187.
118. *Храпунов И.Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке. С. 150.

119. *Левада М.Е.* О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы. С. 174–179.

120. *Абрамова М.П.* Большой Буйнакский курган // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала: Ин-т ИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1977. С. 54–73.

121. *Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С.* Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991. С. 87–115.

122. *Левада М.Е.* О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы. С. 174, 179.

123. *Иштванович Э., Кульчар В.* Мечи/кинжалы с боковыми вырезами в Карпатском бассейне // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем: сб. науч. ст. / науч. ред. и предисл. *А.Г. Фурсева*. СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. (Сер. «Nomadica»). С. 147.

124. *Левада М.Е.* О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы. С. 179.

125. *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. С. 158–162.

Поступила в редакцию 18.07.2017 г.

Принята к печати 25.09.2017 г.